

империи, особенно востребованный в антропологически ориентированных и просопографических исследованиях.

1. Демидова, Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н. Ф. Демидова. – М. : Наука, 1987. – 228 с.
2. Захаров, А. В. Государев двор Петра I: публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства / А. В. Захаров. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2009. – 447 с.
3. Калачев, Н. Десятни // Труды Второго археологического съезда в Санкт-Петербурге / Н. Калачев. – СПб., 1876. – Вып. 1.
4. Козляков, В. Н. Десятни служилых «городов» второй половины XVI – начала XVII века / В. Н. Козляков // Источниковедение: поиски и находки : сб. науч. трудов. – Воронеж, 2000. Вып. 1.
5. Лаптева, Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII веке / Т. А. Лаптева. – М. : Древлехранилище, 2010. – 596 с.
6. Медушевский, А. Н. Источники о формировании бюрократии в России первой четверти XVIII в. / А. Н. Медушевский // Источниковедение отечественной истории. – М. : Наука, 1989.
7. Оглоблин, Н. Н. Что такое «десятни»? / Н. Н. Оглоблин // ЖМНП. 1891, ноябрь. Т. CCLXXVIII.
8. Петрухинцев, Н. Н. Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии / Н. Н. Петрухинцев // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682 – 1750). – М. : РОССПЭН, 2013.
9. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ) : собрание 1-е. – Т. 6. – № 3896.
10. Рабинович, М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны / М. Д. Рабинович // Россия в период реформ Петра I. – М. : Наука, 1973.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 286 (Герольдмейстерская контора). – Оп. 1. – Д. 1, 4, 27, 39, 48, 52, 78.
12. Смирнов, Ю. Н. Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. / Ю. Н. Смирнов // Классы и сословия России в период абсолютизма. – Куйбышев, 1989.
13. Станиславский, А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков / А. Л. Станиславский. – М. : РГГУ, 2004. – 506 с.
14. Сторожев, В. Н. Десятни как источник для изучения истории русского провинциального дворянства в XVI и XVII вв. (историко-юридическая заметка) / В. Н. Сторожев // Юридический вестник. 1890. Т. 4. Кн. 3.
15. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (Формирование бюрократии) / С. М. Троицкий. – М. : Наука, 1974. – 390 с.
16. Black, J. Eighteenth Century Europe. 1700 – 1789 / J. Black. – L., 1990. – 363 p.
17. Poe, M. T. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 1 / Poe M., Kosheleva O., Morozov B., Martin R. The Consular and Ceremonial Ranks of the Russian «Sovereign’s Court», 1613 – 1713. – Helsinki, 2004. – 467 p.

Козлова М.И.

**«СИЛЬНА РУКА ВЛАДЫКА» И «ОСТАВЬ ТЫ СУЕТУ...»
В ФОНДЕ ЩЕРБАТОВЫХ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДРЕВНИХ АКТОВ**

В российской историографии с XVIII в. складывался образ выдающегося историка, публициста, общественно-политического деятеля кн. Михаила Михайловича Щербатова (1733–1790). В каждую эпоху исследователи использовали для него свое лекало: в XVIII в. о нем практически не появлялось работ, известна его биография в «Опыте исторического словаря о российских писателях», для этого периода он запомнился своей полемикой с И.Н. Болтиным; в XIX в. были заданы противоположные, противоречивые оценочно-интерпретационные направления для изучения взглядов М.М. Щербатова, но определяющую роль в формировании его образа сыграл А.И. Герцен, который назвал историка предтечей славянофильства – «идеалы Щербатова – глубоко в могиле» [1, с. VI]; в советскую эпоху закрепилось представление о нем как о «крепостнике», «реакционере», «консерваторе», защитнике старого уклада. М.М. Щербатов оказался в прокрустовом ложе между формированием его отрицательного образа в современную ему эпоху как автора, оппозиционно настроенного к Екатерине II, и непониманием его истинных мыслей другими исследователями. Отметим, что взгляды М.М. Щербатова и Екатерины II не совпадали ни в вопросах политики, ни в создании исторических трудов. Для «М.М. Щербатова “буква” исторического источника (чаще всего) имела приоритет над общей схемой объяснения, ... для императрицы, наоборот, смысл заключался в нарративизации своей объяснительной схемы. В ее модели историописания объяснение превалировало над сообщениями исторических источников» [3, с. 19].

При изучении биографии исторической личности, пишет Л.П. Репина, – «речь идет о концентрации внимания на частном, индивидуальном, уникальном в конкретных человеческих судьбах и, одновременно, – об изначально заданной принципиальной установке на выявление специфики и вариативности разноуровневого социального пространства, полного спектра и пределов тех возможностей, которыми располагает индивид в рамках данного культурно-исторического контекста» [4, с. 292]. Но когда исследовательская камера фокусируется на сво-

ем коллеге – представителе другой эпохи, то для историка возникает опасность превратиться из ученого в строгого критика. В такой ситуации для исследователя на первом месте оказывается историческое сочинение автора иной эпохи, оно оценивается с точки зрения профессиональных компетенций самого ученого. На историка прошлой эпохи примеряется тот наряд, который считается уместным для современности исследователя и служит «своеобразным зеркалом, ... глядя в которое, читатель может многое узнать и о себе» [4, с. 288], в результате сотканые нити повествования могут окраситься в цвета ярлыков и стереотипов.

Ввод в научный оборот новых источников, а также обновленный взгляд на известные исследователям историко-публицистические произведения М.М. Щербатова освежат образ историка XVIII в., определяют новые грани Щербатова-дворянина, Щербатова-историка, Щербатова-публициста, Щербатова-коллеги, Щербатова-оппозиционера политики Екатерины II, Щербатова-семьянина, Щербатова-отца и т.д. «Категория “индивидуального прошлого”, всего непосредственно “пережитого” индивидом и так или иначе отложившегося в его сознании, играет интегративную роль, компенсируя последствия аналитических процедур, разлагающих человеческую деятельность, а следовательно и личность, на отдельные составляющие» [5, с. 295].

Творческую лабораторию и приватную сферу М.М. Щербатова можно изучить по тем материалам, которые хранятся в различных архивах, в том числе и в Российском государственном архиве древних актов (г. Москва). В семейном фонде в РГАДА (№ 1289) хранятся сочинения «О повреждении нравов в России» (оп. 1, д. 517а.), «Статистика в рассуждении России» (оп. 1, д. 518а), а также Родословная книга Щербатовых (оп. 5, д. 1), Дело по управлению Ярославской вотчиной (оп. 1, д. 576), Письма М.М. Щербатова к Д.М. Щербатову (оп. 5, д. 39), Тетрадь с письмами Щербатова к сыну Дмитрию и жене с приложением реестра сочинений Щербатова 1775-1789 гг. (оп. 1, д. 517), «Книга выписок: 1) Реестр грамот удельных князей с 1328 г.; 2) Выписка из описи списков о посольствах до 1600 г; 3) Выписка из книги о вольностях и правах войска запорожского; 4) Текст присяги гетмана Б. Хмельницкого и казачьей старшины; 5) Роспись к документам, надлежащим к сочинению общей истории и реестр документов из истории России из сибирских архивов с 1559 по 1724 г. (выписано из документов библиотеки кн. Ю.Н. Трубецкого для кн. М.М. Щербатова)» (150 л., оп. 1, д. 518) [2, с. 322].

Письма князя М.М. Щербатова к сыну Дмитрию и к жене Наталье Ивановне (оп. 1, д. 517) раскрывают новые грани личности историка, показывают его как семьянина. «Такие “ненадежные”, “субъективные” источники, как дневники, письма, мемуары, автобиографические материалы, продукты творческой деятельности индивида, в которых запечатлен его эмоционально-психический и интеллектуальный мир, его самосознание и индивидуальный жизненный опыт, вышли на первый план не вопреки, а именно благодаря своей субъективности» [4, с. 294–295].

В переписке историк предстает заботливым отцом, оберегающим свою семью, внимательным воспитателем. М.М. Щербатов переживает о здоровье своих родственников: «письмо твое я получил <...> почтествовал удовольствие от твоего напоминания и знаков почтения, толь я истинно огорчился, увидя в оном, что лябязная твоя княгиня не здорова. Хотя весьма <...> сеи припадок у беременной женщины...» [6, л. 4]; тоскует по членам семьи в долгой разлуке: «длгое твое отсутствие от дому и молчание беспокоит меня много; и так я предпринял на будущей неделе послать тебе деньги, а ты между тем збирайся в дорогу» [6, л. 35]; дает своему сыну советы для того, чтобы прожить жизнь счастливо: «письмо твое, писанное от 15 числа сего месяца, я получил, за которое тебе благодарствую, также и за попечение твое о делах моих, которые ты ведешь довольно исправно, <...> показывает мне надежду впредь на твою расторопность, она нужна, мой друг, молодому человеку <...> Потому и знай, <...> что и щастливейший в жизни своей необходимо должен разными трудами и попечениями самое щастие свое содержать» [6, л. 45].

В этом фонде с личной перепиской М.М. Щербатова хранится сочинение историка, которое им названо «Сильна рука владыка» [6, л. 16–19], жанр определен как басня. Время появления этой работы М.М. Щербатова не указано, известен только примерный диапазон – 1775–1789 гг. Это произведение до сих пор не было опубликовано. Указанное сочинение отличается от других работ Щербатова. Как известно, М.М. Щербатов был автором «Истории российской от древнейших времен», «О повреждении нравов в России», «Путешествия в землю Офирскую г-на С., швецкаго дворянина», «Разных рассуждений о правлении», «Размышлений о законодательстве вообще», «Размышлений о дворянстве», «Рассмотрения о пороках и самовластии Пет-

ра Великого» и многих других. Во-первых, такой жанр как басня не типичен для М.М. Щербатова, во-вторых тон-ирония выделяет эту работу.

В басне историк высмеивает те же пороки современного ему общества, что и в других сочинениях. Персонажами в этом произведении предстают хитрый волк, невинная и доверчивая овца и мудрый лев. Основным мотивом басни является несправедливость суда, который осудил безрогую овцу за то, что она забодала волка, главным в решении суда является не объективная правда, а мнение подкупленных свидетелей. Единственный, чье мнение оказалось более веским и мудрым, – это правитель, мудрый лев, и то, даже он не наказал суд, а только помог невинной. В результате овца дает совет не предпринимать слабым попыток доказывать свою правду, а «убегать» от сильных. Основная мысль басни «Сильна рука владыка» заключается в том, что правда в государстве не в законах, не в судопроизводстве, а в преимуществе «сильных» и богатых. Данный текст был найден в переписке автора с сыном Дмитрием. Возможно, сочинение написано в качестве наставления своему наследнику. Судя по тональности данного произведения, в минуты отдохновения, общаясь со своими близкими, М.М. Щербатов не был жестким критиком, «охулителем» российской действительности, а мог посмеяться над ней, отнестись к положению своих личных и общественно-политических дел с юмором.

Рядом с басней в деле 517 семейного фонда представлено другое сочинение М.М. Щербатова, которое не было опубликовано, «Оставь ты суету в себе днешь возвратися» [6, л. 20–23]. Оно написано в стихотворной форме. Представленный в фонде текст, скорее всего, черновик, в нем много исправлений и зачеркиваний, многие слова или трудночитаемые, или совсем нечитаемые. Время создания текста не указано, но можно предположить, что он написан в 1780–1790-х гг. По переписке можно определить, что примерно в это время у М.М. Щербатова обострились проблемы со здоровьем. Возможно, у него была болезнь, связанная с воспалением суставов, это отразилось на его почерке: «я за недомоганиями моими не мог к тебе писать» [6, л. 40]. Многие письма к сыну написаны его слугой, на них была только подпись историка (например «отец твой Михайло Щербатово» [6, л. 46].), на некоторых он даже не смог подписаться – «покорный князя слуга» [6, л. 66 об.]. Вероятно, личное настроение автора повлияло на то, что преодолевая проблемы со здоровьем, он изложил свои мысли на бумаге. Текст проникнут глубокой печалью и отчаянием: «Не сетуя о том что я обманут был, / когда вступал к двору Двора я не любил, / и первое мои дух туда лишь устремлялся, / пороков что б двора всегда остерегался, / в пучине мрачной сей три лета пребывал» [6, л. 20 об.]. Это сочинение М.М. Щербатова пропитано горьким разочарованием в придворной жизни, печалью от невозможности реализации в общественно-политической сфере потому, как екатерининский век «подобень что век сей Древнейшему во всем, / что хитрость злота лесь в придворных обитает, / что подлая Душа всегда царей ласкает» [6, л. 23].

Эти два разных сочинения М.М. Щербатова показывают его внутренние переживания, его чувства и эмоции.

Итак, в семейном фонде Щербатовых представлены источники, отражающие не только историко-публицистическую и археографическую деятельность М.М. Щербатова, но и его личную сферу. Сочинения «Сильна рука владыка» и «Оставь ты суету...» не были опубликованы, но они важны для изучения творчества историка.

1. Герцен, А. И. Предисловие Искандера / А. И. Герцен // О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Л., 1858; Факсимильное изд. – М. : Наука, 1983. – 175 с.

2. Каталог личных архивных фондов отечественных историков. – М. : Эдиториал УРСС, 2011. – Вып. 1 : XVIII век / под ред. С. О. Шмидта ; сост. В. Ю. Афиани, Т. В. Лохина, М. П. Мироненко – 368 с.

3. Маловичко, С. И. «Историописатель второго плана» в истории / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцев // Слава и забвение: парадоксы биографии. – СПб. : Алетейя, 2014. – 544 с.

4. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М. : Кругъ, 2011. – 560 с.

5. Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина. – М. : Издательство ЛКИ, 2009. – 320 с.

6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 1289. Оп. 1. Д. 517.